

The background of the cover is a detailed painting. It depicts a large, dark, and heavily damaged shipwrecked vessel, possibly a sailing ship, lying on its side on a rocky, debris-strewn shore. The ship's hull is splintered, and its masts are broken. In the distance, two small figures are visible in a boat on the water, which is choppy with white-capped waves. The sky is filled with heavy, grey clouds, suggesting an approaching storm or a somber atmosphere. The overall color palette is muted, with greys, browns, and blues dominating the scene.

Теннадий Логинов

Потомок драккаров

Повесть о верном
корабле

Геннадий Логинов

**Потомок драккаров.
Повесть о верном корабле**

«Издательские решения»

Логинов Г.

Потомок драккаров. Повесть о верном корабле / Г. Логинов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836932-2

Многие люди привязываются к милым сердцу вещам. К своим домам, автомобилям, шляпам и сумочкам, предметам быта, мебели и даже к кораблям. Иногда они даже дают им имена или прозвища, тем самым словно бы одушевляя. Порой ради любимой вещи человек способен пожертвовать если не всем, то многим. Но иногда бывает и совсем наоборот...

ISBN 978-5-44-836932-2

© Логинов Г.
© Издательские решения

Потомок драккаров Повесть о верном корабле

Геннадий Логинов

Истинная поэзия – это любовь, мужество и жертва
Федерико Гарсия Лорка

© Геннадий Логинов, 2019

ISBN 978-5-4483-6932-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Большую часть своей (пока ещё совсем недолгой) жизни он провёл, не отлучаясь на значительное расстояние от родимых доков. Сын корабельного инженера и норвежской судовой верфи, он уходил в море только затем, чтобы вскоре вернуться вновь нагруженным свежей рыбой. Иногда, правда, бывали перевозки людей или грузов, но это случалось не слишком часто. Размеренные будни протекали в стороне от неожиданностей, но это было не тем, чего на самом деле хотелось бы молодому рыболовецкому кораблю.

Отдыхая после очередного похода, он тихо раскачивался на пристани и видел цветные сны, в которых его далёкие могучие предки, воинственные драккары, борта которых пощёгольски украшали червленые щиты, стремительно рассекали волны, унося на себе далёких предков его матросов и капитана. Желанный образ влёк и манил, но гудки крупных судов, крики чаек или людские перетолки раз за разом разрушали эту зыбкую фантазию.

В порту всегда кипела жизнь, но, даже находясь в самой гуще всей этой суеты, норвежское судно остро и тоскливо ощущало своё одиночество. Нет, разумеется, вокруг него было немало других кораблей, и не только, но в подавляющей массе они были чужие ему. Другие. Бездушные. Мёртвые. Всего лишь безжизненные скорлупки, управляемые экипажем.

Когда-то, пока «Надёжный» (как нарёк его капитан Сигурдссон) был ещё совсем зелёным юнцом, впервые выплывшим из материнского лона судовой верфи, он полагал, что все остальные суда мыслят и осознают себя точно так же, как и он. Но вскоре его ожидал ужас, смешанный с разочарованием. В ответ на любые попытки завести общение – они лишь безмолвно раскачивались на волнах, безразличные и далёкие от него, словно звёзды на небе. Теперь же он воспринимал их с холодным равнодушием с оттенком раздражения.

Но были, разумеется, и приятные исключения. Например, старый добрый маяк, белоснежной машиной возвышавшийся над суетой портового мира. За многие годы в его стенах сменился уже не один смотритель, оставив высокому часовому частицу самого себя, и о каждом смотрителе маяк мог рассказывать часами, словно бы о собственном ребёнке, вспоминая те светлые минуты, которые они провели вместе. Следуя за светом его путеводных огней, «Надёжный» не раз узнавал для себя что-то новое, а тот заговорщически подмигивал, продолжая травить молодому кораблю свои старики-байки.

В городском музее обитал самый древний в здешних местах корабль, ещё успевший застать эпоху великих географических открытий. Конечно, он был уже не тот: не развалившийся на куски одними лишь стараниями людей, он то и дело предавался ностальгии о том, как он, молодой и красивый, мчался вдаль, вдохнув побольше ветра в могучие паруса, сверкая на солнце стройными рядами пушек и кулеврин. Несмотря на весь свой почтенный возраст и причудливый испанский акцент, «Стремительный» скрепя доски сознавался, что жалеет

лишь об одном – что больше ему никогда уже не спустить корму на воду, не говоря уже о том, чтобы вновь пересечь океан.

Порою над портом мог проноситься слегка заносчивый (не в плане полётных свойств, но в плане характера и поведения) гидроплан, любивший едко подкалывать всех, с кем только сводила его нелёгкая. Корабли наслушались от него немало язвительных сожалений о том, что для них, увы и ах, закрыт дивный мир воздушной стихии и вряд ли представится случай полюбоваться хотя бы на собственный порт с высоты птичьего полёта. В то же самое время – местному вертолёту и паре пассажирских самолётов приходилось выслушивать упреки в том, что им никогда не понять, каково это – дрейфовать на поверхности моря. Несчастный городской трамвай он вообще обозвал «сухопутной крысой, которая носится в своём колесе».

Старый куряка с огромной коптящей трубой, металлическим раскатистым басом возмущающий всем и каждому о своём прибытии, старый крейсер, по его словам, успел побывать ветераном обеих Мировых войн. Теперь же, вояка до мозга костей, он оказывал содействие силам береговой охраны в деле пресечения контрабанды. В свободное от работы время, которое, надо сказать, бывало у него не так уж и часто, крейсер с охотой рассказывал всем о том, как сходил в смертельной схватке с немецкими подводными лодками и кораблями.

На этом круг общения «Надёжного», в общем-то, и заканчивался, если не считать тех, с кем он поддерживал отношения лишь на уровне «здравствуйте» и «до свидания» и пришедших кораблей, которые время от времени посещали порт издалека.

Каждый винтик каждого живого корабля, сухопутного транспорта, здания или летательного средства имел свою историю, о которой, возможно, желал бы кому-нибудь рассказать. И скромный уличный фонарь, и возвышавшийся многотонной громадиной маяк познали и радость, и боль. Но в этом скоплении одиночеств каждый словно бы обитал в своём крошечном микромире, и лишь единицы, ещё не наученные горьким опытом, либо повидавшие на своём веку так много, что окончательно закалились, охотно открывали душу другим или приставали с расспросами сами.

Это была какая-никакая, но всё-таки отдушина, которой, тем не менее, для «Надёжного» было мало. Едва будучи собранным и спущенным на воду, но уже обладая неким запасом знаний, полученных им от матушки-судоверфи и потрудившихся над его созданием мастеров, он тотчас же начал задаваться извечными вопросами, пытаясь осознать для себя своё место в мире, свою цель, предназначение, разузнать как можно больше о том, что его окружает. Но если люди неоднократно напоминали ему о том, кто он, кем и с какой целью он был сначала задуман и сконструирован, а затем и воплощён в жизнь, то сами люди и жизнь в целом вызвали у него намного больше вопросов. Зачем и с какой целью и кем были созданы они? И кем было создано то, что создало их? И происходят ли все, и люди, и корабли, в начале всех начал, из некой общей Первопричины?

Возможно, что и люди изначально имели некую вполне конкретную цель своего создания, которую, как и «Надёжный», посчитали навязанной, впоследствии пожелав ей воспротивиться. Как бы то ни было, он не знал наверняка. А люди, понимавшие речь кораблей, встречались ещё реже, чем говорящие корабли. И то – такие люди либо были настолько молодыми, что были не в состоянии ответить на его вопросы, либо находились в грустном здании с жёлтыми обоями, либо обретали дар понимания после сильной дозы топлива, называемого людьми «алкоголь», утрачивая эту способность после крепкого сна.

Как бы то ни было, книги, хранившиеся в каюте капитана, не вносили большую ясность в данные вопросы, но стали причиной предположения, что, по меньшей мере, некоторые из видов микроорганизмов, обитающих в теле человека, можно рассматривать в качестве своего рода «экипажа». Когда «Надёжный» поделился своими соображениями с обитателями порта, гидроплан аж, было дело, поперхнулся со смеху, да так, что несчастный пилот ещё дол-

гое время не мог завести мотор, силясь понять, в чём же кроется причина поломки. И хорошо ещё, что вся эта оказия не приключилась во время полёта.

Но, так или иначе, капитан Сигурдссон вызывал у своего корабля неподдельный интерес и уважение, и дело тут было вовсе не в том, что этот человек был его капитаном.

Капитан хорошо знал своё дело и был бы, что называется, «нарасхват» среди женской половины портового города, если бы не одно обстоятельство, ставшее причиной его репутации безобидного и общительного городского сумасшедшего. Лейф Сигурдссон был крайне любопытным и в то же время до крайности суеверным человеком с огромной любовью ко всему странному и необычному, помноженной на повышенную тягу к навязчивому общению. Что вместе с тем не отменяло наличие у него незаурядного аналитического ума касательно многих вопросов практически-прикладного характера, умения свежо и нестандартно взглянуть на вещи, специфического обаяния и редкой для человека его профессии и места проживания эрудиции. Разносторонне развитый обладатель многочисленных дарований, он мог бы выступать на сцене, публиковать газетные очерки, получить учёную степень или кубок чемпиона по плаванию, но вместо этого предпочёл ни от кого и ни от чего не зависеть, ни на что не претендуя и никому ничего не доказывая. Он жил и спал в каюте своего корабля, выходя на берег лишь по большой необходимости и с крайней неохотой, хотя было время, когда он писал письма выдающимся личностям, жившим не менее века назад, и ездил по всему миру, оставляя свои послания у их могил и кенотафов. Оставшись в полном одиночестве, играл на скрипке музыку собственного сочинения, которую не стыдно было бы иметь в своём наследии наиболее именитым скандинавским композиторам, наподобие Грига, Кьерульфа или Свенсена. Каждый день, так же естественно и непринуждённо, как чистил зубы, он сочинял и записывал в тетрадь как минимум один ропалический стих, коих набралось уже великое множество. Писал картины на близкие ему темы, самостоятельно изготавливая холсты, рамы и краски, а по завершении работы, дав краскам пообсохнуть, – вскоре сжигал их.

За капитаном водились не только эти, но также и многие другие странности, однако речь сейчас пойдёт не о них. Когда у Сигурдссона находились свободные уши, он начинал просвещать несчастную жертву, открывая ей глаза на многочисленные неведомые тайны, которыми славится этот мир. Он с упоением мог рассказывать истории о появлении знаменитого «Летучего Голландца», проклятым капитаном которого был не то Филипп Ван Дер Деккен, не то Филипп Ван Стаартен, который не то перевозил супружескую пару и, решив подбить клинья к женщине, убил её мужа, вынудив несчастную броситься за борт, не то поубивал половину собственного экипажа, желая подавить бунт, когда, сквернословя и богохульствуя, обещал обогнуть Мыс Доброй Надежды в шторм, даже если на это потребуется целая вечность; и теперь экипаж «Летучего Голландца», встречая новый корабль, просит передать на берег сообщения людям, которых нет в живых уже много веков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.